

Научить тайнам любви

Автор:

Мишель Сمارт

Научить тайнам любви

Мишель Сمارт

Любовный роман – Harlequin #716

Каталина всегда и во всем придерживалась правил. Ровно до той ночи, которая свела ее с миллиардером Натаниэлем и раз и навсегда все изменила. И теперь, скрываясь в заснеженных Пиренеях, Каталина готова на все, лишь бы отстоять свободу еще не рожденного ребенка. Даже если для этого ей придется бороться с самым дорогим и единственным любимым мужчиной...

Мишель Сمارт

Научить тайнам любви

Michelle Smart

Claiming His Christmas Consequence

© 2016 by Michelle Smart

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– Хорошо, что ты отменила помолвку, – шепнул Натаниэль Гироуд, лениво кивнув в сторону танцующего с невестой принца Гелиоса. – Он сделал бы тебя несчастной.

Принцесса Каталина Фернандес глотнула шампанского, пытаясь унять дрожь в пальцах.

– Почему ты так решил?

– Между вами не искрит, – улыбнулся он и, немного помолчав, добавил: – Во всяком случае, не так, как между нами.

Вздернув подбородок, Каталина отодвинула стул, собираясь встать из-за стола, и обдала Натаниэля ароматом духов.

– Ни к чему начинать этот разговор. Это невозможно.

Он поймал ее за руку прежде, чем она успела подняться.

– Но почему?

– Ты и сам это отлично знаешь. – Высвободив руку, она посмотрела ему прямо в глаза: – Я должна сохранить себя для мужа. Моя невинность будет ему наградой.

– Наградой? – Сама постановка вопроса была столь немислимой, что, если бы все не было так серьезно, Натаниэль обязательно бы рассмеялся. Но вместо этого задумался о ее брате, наследнике трона Монте-Клера, который с прямого согласия отца развлекался по всей Европе так, как была не вправе развлекаться Каталина лишь на том основании, что родилась женщиной.

А теперь, когда ее отшил Гелиос, как бы красиво их разрыв ни обставили в прессе, ее обещали престарелому шведскому герцогу. Только при этом Натаниэль ясно видел, что Каталина хочет не герцога, а его самого. И она это знает.

– Значит, ты всего лишь переходящий приз?

В темных глазах мелькнуло смятение.

– Ты же именно это говоришь, верно? – настаивал он. – Что не имеешь права распоряжаться своим собственным телом? Ты всего лишь сосуд, в котором созреет следующее поколение?

– Вовсе нет. Я принцесса, и это моя жизнь, для которой я и была рождена.

– Но это не мешает тебе оставаться женщиной.

Каталина сглотнула, и Натаниэль легонько погладил ее по руке.

Она получила отличное воспитание и умела себя держать, да при этом еще и была настоящей красавицей. Высокая, темноволосая, с томными глазами цвета горячего шоколада и безупречной алебастровой кожей, что, казалось, никогда не видела солнца. Сегодня на ней было персиковое платье до колена, подчеркивающее пышную грудь и тонкую талию, не открывая ни одного лишнего сантиметра кожи.

Безупречная женщина.

Вот только у каждого есть недостатки, и у него так и чесались руки отыскать ее изъяны.

И теперь, когда отец Каталины, король Монте-Клера, напоказ проигнорировал свадьбу Гелиоса, а ее брат скрылся с очередной подружкой в неизвестном направлении, Натаниэлю наконец-то выпал шанс испытать судьбу.

- Твой первый раз должен быть особенным. Он должен быть с женщиной, что станет тебя боготворить и заботиться о тебе, а не с каким-то сухо выполняющим свой долг аристократом.

- Но я и сама аристократка.

- Да, но ты не такая. Под показной холодностью в тебе бурлит кипящая кровь.

Заметив, что к ним приближается шведский герцог, Натаниэль поднялся.

Явно удивленная его резкостью, Каталина пристально на него посмотрела.

- К нам направляется твой предполагаемый жених. Подозреваю, он хочет пригласить тебя на танец.

Она глянула на престарелого герцога.

- Он мне не жених. - Она устало вздохнула. - Пока еще нет.

- Тогда ничто не мешает тебе потанцевать со мной. - Он протянул ей руку ладонью вверх.

Каталина сглотнула.

- Брат велел мне держаться от тебя подальше.

Неудивительно.

- И ты всегда слушаешься брата?

- Да.

– И всегда хочешь поступать именно так, как тебе велят? – шепнул он, приподняв бровь.

Она едва уловимо покачала головой, когда герцог был уже в двух шагах от их столика.

Мгновенно приняв предложенную руку, Каталина грациозно поднялась.

– Всего один танец.

– Если настаиваешь.

– Я должна думать о репутации.

Один так один. Не давая возможности передумать, Натаниэль повел Каталину на танцпол, оставив герцога недоуменно чесать лысую голову.

Все еще держа Каталину за руку, вторую руку Натаниэль положил ей на талию, притягивая к себе и склоняя голову на ее шелковистую кожу. Она идеально ему подходила. На каблуках ей как раз хватало роста, чтобы дотягиваться ему до подбородка, и он полной грудью вдыхал аромат дорогого шампуня, смешанный с изысканными духами, от которых у него мигом закружилась голова.

Натаниэль прижал женщину еще ближе, чтобы она смогла почувствовать, как быстро бьется его сердце.

– Расслабься, – шепнул он, глядя на напряженную спину. – Я не кусаюсь.

«Но, кажется, хочу, чтоб ты меня укусила...»

Во время краткого ухаживания Гелиоса и еще более краткой помолвки они неоднократно танцевали, но еще никогда Каталина не чувствовала ничего подобного. Никогда еще ее сердце не билось так быстро, а в самых сокровенных местах не горел такой неистовый огонь желания, что одновременно и пугал и завораживал...

Это желание проснулось в ней, когда она была всего лишь впечатлительной пятнадцатилетней девчонкой. Но первое восхищение быстро прошло, сменившись ужасом, стоило ей осознать, кто именно вызывает у нее это желание...

И как она надеялась, что сумеет испытать то же чувство и к Гелиосу... Но между ними вообще не существовало никаких чувств. А уж тем более между ней и герцогом.

Чувствуя, как от легчайших прикосновений Натаниэля по спине бегут мурашки, Каталина смаковала каждую секунду, понимая, что к ней наконец-то вновь пришло то самое ощущение, которого она так долго ждала...

Но совсем скоро танец закончился.

Глубоко вдохнув, Каталина попыталась отстраниться, но Натаниэль ее удержал.

– Я ночую в том же крыле, что и ты, – едва слышно шепнул он, обжигая ухо горячим дыханием.

– Но... – Она едва могла дышать, не то что говорить. – Но откуда ты знаешь, в каком крыле я остановилась?

– Я всегда все знаю. – Он жадно втянул в себя ее аромат.

Все еще держа Каталину за руку, Натаниэль отступил на шаг.

В свои тридцать пять он был невероятно высок, подтянут и крепок, а его лицо покрывали сотни морщинок, ясно давая понять, что этот человек ведет активную жизнь на свежем воздухе. Светло-зеленые веселые глаза с искорками, красивой формы нос, мягкие губы, ямочки на щеках, вечно взъерошенные каштановые волосы...

За все эти годы то притяжение, что она почувствовала при первой встрече, так и не угасло.

И он был единственным мужчиной, кому удалось пробудить в ней любопытство.

– В час я буду у твоей двери. – Он поцеловал ее ладонь. – Я знаю, что твоя компаньонка спит в соседней комнате, и не стану стучать. Я приду, но оставлю нашу судьбу в твоих руках. Если ты не откроешь, я вернусь к себе, и ты можешь сделать вид, что меня вообще никогда там не было. Но прежде чем что-то решать, спроси себя, когда ты в последний раз делала что-то ради себя, а не ради долга? Каталина, я знаю, ты принцесса, но если захочешь, сегодня я научу тебя, как стать женщиной.

С этими словами он отпустил ее руку, поклонился и ушел.

Три недели спустя

Палочка с розовой полоской насмешливо смотрела на принцессу Каталину Фернандес.

Счастливого Рождества, Каталина. Вот тебе и подарочек.

Хваленая выдержка, которой ее учили целых двадцать пять лет, мигом ее оставила. И сейчас она не чувствовала ничего, кроме снедающего изнутри ужаса.

Две благословенные минуты, когда Натаниэль впервые вошел в нее без защиты, прежде чем выйти и надеть презерватив. Две минуты неистового безумия.

Но что ей теперь делать?

Ее снова замутило, но в желудке уже ничего не осталось, и на этот раз из нее вышла лишь желчь. А ведь Каталина даже не знает, в чем причина. Нервы или стремительно захватывающие тело гормоны?

Почистив зубы третий раз за утро, Каталина все равно чувствовала оставшуюся на языке горечь. Вытерев лицо, она уставилась на бледное отражение в зеркале и постаралась улыбнуться. До рождественского ужина с семьей осталось всего шесть часов. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, работающие во дворце

люди, гости...

Стараясь успокоиться, Каталина глубоко вдохнула в ту самую секунду, как в дверь постучали.

Наверняка это Марион. Двоюродная сестра и основная компаньонка. Сегодня она уже приносила завтрак, к которому Каталина так и не притронулась, а теперь хочет приготовить ей ванну.

Но Марион нельзя доверять, было в ней какое-то скрытое коварство, с которым принцесса так и не сумела примириться. Когда Каталина достигла возраста, обязывающего выбрать себе «компаньонку», как в их доме было принято называть личных слуг, ей пришлось взять к себе Марион. Во дворце полно слуг, но личные слуги всегда были родственниками, а мать Марион приходилась сестрой отцу Каталины.

Досчитав до пяти, Каталина собралась и заставила себя успокоиться. Нельзя, чтобы у Марион возникла хоть тень подозрения.

– Заходи! – крикнула Каталина, усаживаясь за туалетный столик.

Вот только дверь распахнула не Марион, а Доминик.

И в его лице не было и намека на веселое праздничное настроение.

– Значит, – протянул он, закрывая за собой дверь, – это правда. Ты беременна.

Хорошо, что она заранее села. Иначе наверняка бы упала.

Полчаса назад увидев положительный результат теста, Каталина отлично понимала, что не сумеет долго хранить все в тайне, но рассчитывала, что у нее будет хотя бы пара дней...

Сжав губы, она кивнула. К чему лгать? Да и спрашивать, как он узнал, тоже бессмысленно. Когда речь шла о членах королевского дома Фернандесов, никто о праве на частную жизнь и личные тайны даже не заикался. Каталина не доверяла Марион, поэтому ей пришлось обратиться к Алиане, троюродной

сестре, недавно ставшей компаньонкой, и попросить ее приобрести тест на беременность. Алиана, которой совсем недавно исполнилось восемнадцать, покинула дворец под предлогом того, что ей нужно прикупить еще пару рождественских подарков, и обещала сохранить тайну.

Но во дворце все тайное очень скоро становится явным. И чтобы действительно сохранить какой-то секрет, порой нужны недюжинная моральная сила и устойчивость, которые встречаются не так уж и часто, особенно когда король и его наследник наводнили дворец шпионами и не гнушаются использовать полученные сведения так, как сочтут нужным.

И свой единственный и самый драгоценный секрет Каталина сумела сохранить лишь потому, что никогда и никому о нем не рассказывала.

Оглядев ее с насмешливой ухмылкой, Доминик коротко размахнулся и ударил ее по щеке. Сильно.

– Счастливого Рождества, – объявил он сухо.

Не показывая никаких эмоций, она даже не стала подносить руку к щеке, не желая, чтобы он смог насладиться полной победой.

Потому что больше всего на свете он обожал доводить ее до слез. Просто жить без этого не мог.

Но в последний раз она плакала при нем семь лет назад, на похоронах матери.

Каталине внезапно отчаянно захотелось, чтобы мама снова была рядом. Чтобы обняла и утешила... Как же ей сейчас не хватало ее тихого голоса и мягкой улыбки...

Была бы здесь хотя бы Изабелла... Но младшая сестра уклонилась от обязательного торжества и дожидалась рождения ребенка, живя с семьей мужа.

– Кто отец?

Каталина сжала губы.

– Непорочное зачатие? Неплохо. – Доминик снова наградила ее презрительной улыбкой. – Натаниэль Гироуд?

Несмотря на все усилия, Каталина не смогла сдержать легкой дрожи, что пробежала по ее телу от одного упоминания этого имени.

– Это он.

Черты брата исказила такая ненависть, что Каталина мысленно приготовилась к следующему удару, но вместо этого он лишь наклонился к самому ее лицу, обдав кислым дыханием:

– Мерзкая шлюха.

На это оскорбление она тоже никак не отреагировала, не желая ухудшать и без того плохое положение, и даже не стала уворачиваться от летевших в лицо капелек слюны.

– Мало того что чистокровный принц Гелиос бросил тебя ради безродной потаскухи, и об этом знает весь мир, что бы там ни писали в газетах, так ты еще и раздвинула ноги перед этим ничтожеством? – Доминика так и передернуло от злости. – Ты осознаешь, что Йохан готов был просить у отца твоей руки? А теперь ты и здесь все испортила!

Стоявшая в горле желчь грозила вот-вот ее задушить.

– С тобой покончено. Йохану не нужны объедки с чужого стола.

Не в силах вдохнуть, Каталина начала задыхаться.

– И Гироуду ты тоже без надобности, – усмехнулся Доминик. – Он испортил тебя, чтобы рассчитаться со мной. Ты для него всего лишь игрушка и легкая добыча. Я же предупреждал, чтобы ты держалась от него подальше, но теперь тебе придется сполна за все заплатить. Отец тебя вызовет и решит, что нужно сделать и какие тебя ждут последствия.

С этими словами Доминик собрался уйти, но передумал и, повернувшись, ударил ее по второй щеке.

– Это за то, что ослушалась, когда я велел держаться подальше от Натаниэля Гироуда.

Поправив галстук, Доминик ушел.

Наконец оставшись одна, Каталина закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она не издала ни звука, но в голове у нее так и звенел пронзительный вопль.

Инстинктивно положив руку на живот, она снова взглянула в зеркало. Обе щеки украшали красные отпечатки пальцев, и до прихода Марион скрыть следы она не успеет. Но это уже и не важно.

Дыши, Каталина, дыши.

Когда три недели назад Натаниэль покинул комнату, ей было невыносимо больно смотреть, как за ним закрывается дверь.

С тех пор он ни разу не попытался с ней связаться, да она этого и не ждала. Они оба с самого начала знали, что у них может быть лишь одна ночь.

Но думала она об этом мужчине годами.

Приходясь другом принцам Каллиакисам, если не ее собственному брату, Натаниэль часто посещал те же мероприятия, что и она сама, и стоило ей только завидеть статного красавца, как она не могла отвести от него глаз. А стоило им поздороваться и расцеловать, как было принято в их кругу, друг друга в обе щеки, как сердце замирало у нее в груди, но она никогда не позволяла себе об этом задумываться. Они вращались в одном и том же обществе, но никогда не были друзьями. Потому что принцессам дома Фернандесов не позволялось иметь друзей мужского пола.

И до свадьбы Гелиоса, которая должна была стать и днем ее свадьбы, она лишь изредка обменивалась с Натаниэлем пустыми любезностями.

К тому же он был весьма скрытным человеком, и она почти ничего о нем не знала, за исключением того, что его родители умерли при каком-то несчастном случае, когда он был совсем мал, без каких-либо подробностей, что его вырастил дядя и что он учился в том же интернате, что и Доминик и принцы Каллиакисы. Также она слышала, что ему принадлежит сеть отелей и «Клуб Гироуд», завсегдатаями которого были самые богатые и влиятельные французы и который сам по себе превратил его в миллиардера еще до того, как Натаниэлю исполнилось тридцать. Ну и разумеется, великолепный красавец пользовался успехом у женщин и не отказывал себе ни в каких радостях, которые могло обеспечить ему более чем приличное состояние.

Но в тот день он показал себя с совершенно другой стороны. Он сумел разглядеть ее уязвимость и помог пережить тот день с улыбкой на губах. И даже если в конечном итоге он и затеял все это лишь для того, чтоб ей навредить, ей было все равно. Потому что она тоже его хотела. Единственный раз в жизни она отбросила всякую осторожность и с головой окунулась в ту часть себя, которую долго и старательно пыталась подавить.

И даже не будь она принцессой, а он простолюдином, которого презирал ее брат, у них все равно не могло бы быть ничего больше одной ночи. Потому что этому человеку незнакомо значение слова «привязанность».

Но несмотря ни на что, она все равно не могла выкинуть его из головы. Стоило ей закрыть глаза, как она сразу же видела решительное лицо, чувствовала мужской аромат, ощущала под кончиками пальцев его кожу... Лежа в кровати, она часами напролет вспоминала их единственную ночь, раз за разом прокручивая ее в голове, словно лучшее в мире кино. Вновь и вновь повторяя каждое прикосновение, каждую ласку...

Она предполагала, что в следующий раз они встретятся на каком-нибудь торжестве или общественном мероприятии. Предполагала, что он, как и обычно, поприветствует ее поцелуем, и надеялась, что, возможно, его рука задержится на ее талии чуть дольше обычного. Предполагала, что их связь будет тем секретом, что она станет хранить до конца жизни.

Сколько она себя помнила, она ясно знала, что ее девственность священна, и она обязана хранить ее до первой брачной ночи. И двадцать пять лет она безропотно это принимала.

Она принцесса, и ее жизнь полна богатства и привилегий. Она представительница дома Фернандесов и всегда понимала, что однажды выйдет за человека равного ей по положению, чтобы укрепить связи и власть ее собственного рода. Она понимала, что всегда и всюду обязана вести себя подобающим образом и ни разу не пренебрегла этой обязанностью. И никогда не жаловалась, что ее брату позволено делать что угодно, с кем угодно и где угодно, не жаловалась на дерзкую своевольную сестру, прихоти которой всячески поощряли и брат, и отец.

Ведь Доминик ни разу и пальца на Изабеллу не поднял.

Ни разу в жизни Каталина не совершила ни одного поступка, что не шел бы во благо дома Фернандесов. Ни разу.

До того самого дня.

Всего раз в жизни она отринула долг и вкусила запретный плод.

И теперь до конца жизни будет расплачиваться за краткий миг благословенного безумия.

Вот только она не знала и не могла знать, что повлечет за собою назначенная ей расплата.

Натаниэль терпеть не мог Рождество. Все это притворное дружелюбие, коммерциализация, принудительная близость с так называемыми «любимыми»...

И больше всего он ненавидел Рождество за то, что оно, как ничто, остро напоминало, что три по-настоящему любимых им человека мертвы вот уже двадцать восемь лет. Рождественским утром, когда всем полагается радостно разворачивать подарки, разбрасывая кругом оберточную бумагу, боль потери была столь же сильна, как и в то первое утро, когда он проснулся без них.

В этом году он твердо решил провести ненавистный праздник в Монте-Клере. Во-первых, потому, что именно там сейчас лежали его основные деловые интересы, а во-вторых, потому, что к югу от Франции было вполне тепло и, если

повезет, даже снега не будет.

Двадцать восемь лет он старательно избегал снега.

Единственным признаком праздника в его доме была пустая бутылка из-под виски, что он нашел рядом с диваном, проснувшись в день подарков от пронзительного писка интеркома.

Поднявшись, он сжал раскалывающуюся голову руками и тихо выругался. Слуг он всех отпустил на четыре дня, чтобы они провели праздники с семьей, так что разобраться с назойливым гостем кроме него было некому.

Добравшись до двери, он нажал кнопку интеркома.

- Да? - Он же оставил консьержу указания, чтобы до завтра его не беспокоили...

- Месье Гироуд, с вами желает встретиться его высочество принц Доминик из дома Фернандесов.

- И что ему от меня нужно?

Голос консьержа упал до шепота:

- Я не счел себя вправе спрашивать. - Пусть Натаниэлю и принадлежит все здание, но Доминик - прямой наследник престола этой страны.

Натаниэль решил не уточнять, что если бы люди осмеливались задавать ему вопросы, то, возможно, принц и не вырос бы таким самовлюбленным идиотом.

- Пускай поднимается.

Дождаясь Доминика, Натаниэль сходил на кухню и влил в себя пол-литра воды.

Чего бы принц ни хотел, ничего хорошего его явно не ждет.

Услышав громкий стук, Натаниэль распахнул дверь, впуская наследного принца Монте-Клера и его телохранителя.

– Доминик, чем могу помочь? – поинтересовался он, намеренно опуская титул незваного гостя. И столь же намеренно повернулся к нему спиной и пошел в гостиную. – Выпьешь со мной в честь праздника?

Не дождавшись ответа, Натаниэль продолжил:

– Налить тебе чего-нибудь?

– Судя по твоему виду и аромату, ты и так уже достаточно выпил, – довольно осклабился Доминик, выглядя при этом, как молодой самец гориллы, изо всех сил пытающийся доказать свою доминантность. И если бы принц не пытался над ним доминировать, Натаниэль с удовольствием подивился бы чудной картинке.

– Если бы знал, что у меня будут гости, принял бы душ. Так выпьешь?

– Я сюда не ради светской болтовни пришел.

– Я в этом и не сомневаюсь, но все равно считаю, что даже самое скучное обсуждение бизнеса можно скрасить колумбийским кофе. – Да и голова, может, придет в норму.

– Я сюда и не бизнес обсуждать пришел.

– Тогда, может, уже объяснишь, что за срочность привела тебя в мой дом?

– В твой дом?

– Ну да. Или желаешь взглянуть на договор купли-продажи? – Впервые сняв квартиру в семнадцать и устав от разборок с хозяином, требовавшим от него лично оплатить ремонт системы отопления в особо суровую зиму, он больше никогда и нигде не снимал жилье, вместо этого предпочитая везде и всюду оставаться хозяином своей жизни.

Натаниэль уже давно сбился со счета и не помнил, сколько домов ему принадлежит, зато твердо знал, что никому ничего не должен. Ни единого цента. Ни людям, ни банкам, ни организациям. И его бизнес принадлежит лишь ему одному, и никто не в силах его у него отобрать. Потому что в этом хрупком скоротечном мире можно верить лишь в твердые кирпичи и цемент.

– Так уверенно может говорить лишь тот, кому принадлежит земля, на которой стоит дом, иначе договор купли-продажи не стоит и гроша. И то же самое касается и твоего бизнеса в нашей стране.

– Ну разумеется. – Натаниэль отлично знал, как взбесился Доминик, когда его отец выдал Натаниэлю все необходимые разрешения. – Но, боюсь, тебе придется привести другой пример, потому что я всегда сперва покупаю землю и лишь затем начинаю на ней что-то строить.

Натаниэль уже наполовину построил здание, совмещавшее в себе отель и бизнес-центр, что должно было стать самым высоким зданием в Монте-Клере. Этот небоскреб стал его самым амбициозным проектом и попал в список «Ежемесячника архитектуры», как один из главных кандидатов на звание «Здания десятилетия».

Пока что Натаниэль вложил в этот проект сто миллионов евро и рассчитывал вложить еще столько же до его окончания.

– Давай оставим все эти хождения вокруг да около, говори прямо, что тебя сюда привело, и я пойду дальше спать.

– Моя сестра.

– Которая? – уточнил он, небрежно пожав плечами, хотя у него мигом закружилась голова.

– Каталина.

Он никому и слова не сказал о той ночи с принцессой и ни на секунду не усомнился, что и Каталина будет молчать. В конце концов, на кону стояла ее репутация девственницы. Впустив его тогда к себе в комнату, она ясно дала

понять, что та ночь останется лишь между ними.

Идеальная короткая связь, когда нет риска, что, проснувшись с утра, женщина примется намекать, что не прочь продлить отношения.

Он покинул комнату Каталины с первыми лучами солнца, и они оба знали, что прощальный поцелуй будет их последним поцелуем.

У них была одна восхитительная ночь без права на повторение.

А Доминику просто донесли, что они тогда танцевали, вот он и закидывает удочку.

С той ночи они больше не виделись, и даже на коронации Гелиоса и Эмми ее не было, как он осторожно выяснил, у нее было что-то с животом...

Натаниэль разом похолодел.

– А что с ней?

Доминик даже не пытался скрыть своей враждебности.

– Она беременна.

Глава 2

Сердце Натаниэля мгновенно перестало биться.

– Каталина беременна?

Он мгновенно вспомнил, как вошел в нее без презерватива.

Да о чем он вообще тогда думал?

Или это ловушка? Они же ненавидели друг друга со школы...

– Да, больной ублюдок. Моя сестра-«девственница» беременна. От тебя.

Доминик так выделил слово «девственница», что Натаниэлю мгновенно захотелось хорошенько ему врезать, но вместо этого он лишь уселся на диван, закинув ногу на ногу и сложил руки на груди, отлично зная, что эта поза разозлит принца куда больше попытки физического насилия.

– А с чего ты взял, что отец именно я?

– Она призналась. Она послала одну из своих компаньенок за тестом на беременность, а другая компаньонка, верная дому Фернандесов, что-то заподозрила и отыскала спрятанную упаковку. И сразу же сообщила мне о находке.

В мозгу Натаниэля разом пронеслись проклятия на всех известных ему языках.

– Каталина использовала тест вчера утром, а потом и наш семейный врач подтвердил результат. Счастливого Рождества. Моя сестра от тебя беременна.

– Где она? – Словам Доминика нет веры, тем более когда речь идет о чем-то настолько важном. – Я хочу ее увидеть.

– Во дворце. Как ты догадываешься, новости полностью испортили нам Рождество.

– Искренне сочувствую.

Доминик жестко улыбнулся.

– Мы с отцом тщательно обсудили этот вопрос. У Каталины все еще есть будущее, но нам придется принять определенные меры. Помимо всего прочего ты должен временно на ней жениться, чтобы узаконить ребенка.

В ответ Натаниэль лишь рассмеялся.

Может ли все это быть пьяным бредом?

– Я говорю совершенно серьезно. – Доминик наконец-то уселся, вытянув ноги, явно пытаясь обозначить свое превосходство. – Ты на ней женишься, или твои документы на право собственности пересмотрят, и земля вернется в распоряжение дворца. Так же как строящийся «Рейвансберг».

– Ты мне угрожаешь?

– Всего лишь предупреждаю о последствиях, – после секундной заминки нашелся Доминик. – Мне достаточно щелкнуть пальцами, и тебя за шкуру вышвырнут из Монте-Клера.

– Не сомневаюсь. – Натаниэль покачал головой. – Знаешь, глупость некоторых людей меня всегда поражала. Кому вообще придет в голову угрожать отнять законно купленную землю и остановить строительство комплекса, что подстегнет развитие экономики целой страны? И если капризный правитель может в любую секунду отобрать законную собственность, кто захочет вкладывать туда сбережения? И как правителю может прийти в голову ставить под угрозу всю экономику?

Доминик резко побагровел.

– Больше всего на свете мне хочется отобрать твою собственность и вышвырнуть тебя вон, черт с ними, с последствиями. К тому же мы бы быстро оправились от любого экономического удара, но отец не позволит, чтобы в доме Фернандесов появился ублюдок. Каталина и так принесла нам достаточно позора в последние месяцы...

– Это чем же? Тем, что разорвала помолвку с Гелиосом? – насмешливо прервал его Натаниэль. – По-твоему, она должна была выйти за него, даже зная, что он любит другую?

– Мы оба знаем, что, что бы там ни говорили, помолвку разорвал сам Гелиос. Если бы Каталина выполнила свой долг и завладела его вниманием, он не стал бы отвлекаться на безродную шлюху, и сестра уже была бы королевой Эгона.

Натаниэль так и не понял, как ему удалось удержаться и все-таки не врезать Доминику.

– Твоя сестра всю жизнь только и делала, что выполняла свой долг.

– Очевидно, что нет. Иначе этот разговор вообще не состоялся бы. И дело не только в Гелиосе, отец отыскал ей другую партию.

– Шведского герцога? – Натаниэль ясно видел, как недоволен Доминик, обнаружив, что его врагу известны дворцовые тайны.

– Да, но теперь и этот союз невозможен. Если бы решал я, Каталину просто изгнали бы из семьи, но отец придерживается несколько иных взглядов. Он считает, что она еще представляет определенную ценность, и готов дать ей последнюю возможность оправдаться. И здесь начинается твоя роль. Либо ты на ней женишься, либо ее выгонят из дворца без единого цента в кармане.

Натаниэль лишь плечами пожал:

– Вперед. Я обеспечу и ее, и ребенка.

Доминик так и лучился самодовольством и злобой.

– Это как же? Ей запретят покинуть страну, а паспорт аннулируют. Она даже банковского счета открыть не сможет и будет скитаться без гроша в кармане и крыши над головой, а тебя вышлют из страны и, если попытаешься вернуться, сразу же арестуют.

– И ты так обойдешься с родной сестрой? – Натаниэль вспомнил собственную сестру, что погибла вместе с родителями много лет назад. Если бы она выжила, сейчас ей было бы тридцать три... Он плохо помнил ее лицо, зато отлично помнил существовавшую между ними близость, и ему было противно при одной мысли, как жесток может быть Доминик с собственной плотью и кровью.

На него вдруг накатило чувство вины.

Ведь это же он во всем виноват. Не стоило ему лезть к Каталине, а он воспользовался ее уязвимостью и слабостью на свадьбе, где вместо невесты она была всего лишь одной из гостей. Ему не стоило к ней лезть, но он просто не сумел устоять, углядев единственный шанс затащить в постель ту самую женщину, что всегда была ему недоступна. И даже ее девственность не смогла его остановить.

Но на такие последствия он совсем не рассчитывал.

А Каталина...

Наверняка она в ужасе.

Никто не должен знать. Именно это она шепнула, впуская его в комнату, а потом приложила палец к губам и указала на соседнюю комнату, где спала ее компаньонка.

Тогда все казалось игрой... Игрой с невообразимыми последствиями.

– Ты забыл, кто здесь правит. У нас не демократия, и слово моего отца – закон. Ей не к кому будет бежать за спасением.

– Ты же всем этим наслаждаешься, верно? – Пытаясь успокоиться, Натаниэль глотнул виски. – Мстишь за Дженну?

Доминик заметно дернулся.

– Дженна тут ни при чем.

– Надеюсь, это же было почти двадцать лет назад.

И я буду ненавидеть тебя еще двадцать. Дженна была моей.

– Что тут можно сказать? – Натаниэль пожал плечами. – Она сама на меня набросилась.

Тогда они встречали Рождество вместе с девчонками из колледжа, что располагался по соседству с их интернатом, и гормоны взяли свое...

Доминик ворвался в комнату, застав их с Дженной в полураздетом виде, но, прежде чем они успели друг друга поубивать, драку остановили, а потом их обоих вызвали к директору. Доминика отправили спать, а Натаниэля, у семьи которого не было ни титула, ни власти, ни даже денег, немедленно исключили.

И он вернулся во Францию к дяде и его жене, но та ночь положила начало цепочке событий, что и по сей день определяют его жизнь. И его мутило при мысли, что теперь одна-единственная ошибка может разрушить и жизнь Каталины.

– Ты всегда был заносчивым несносным уб... – Вспомнив, что они не одни, Доминик глянул на подпиравшего стену телохранителя, и, покраснев как помидор, продолжил: – Дело не в Дженне или моей сестре. Дело в доме Фернандесов.

– И Каталина ему верна.

– Не теперь, когда в ее животе растет ублюдок. Если ты на ней не женишься и не узаконишь ребенка, она превратится в ничто. И ничего не будет стоить.

Натаниэль лихорадочно соображал.

Требования Доминика исходят от его отца, короля. Угроза его деловым интересам в Монте-Клере уже дорогого стоит, но судьба Каталины...

Ее безопасность и малюсенький сгусток клеток в ее животе не то, с чем можно играть. Если она действительно носит его ребенка...

– Какие у твоего отца на нее планы?

– Ваш брак должен продлиться достаточно, чтобы ни у кого не возникло сомнений в законности ребенка. Года будет достаточно. Потом ты с ней разведешься, а она публично покается, что так поспешно отдала себя безродному ничтожеству. Ваш брак узаконит не только ребенка, но и ее саму, и

потом мы сможем подыскать ей нового мужа.

– Чтобы наконец-то от нее избавиться? – Натаниэль покачал головой, не веря, что король и наследник могут зайти так далеко. – Для вас она действительно всего лишь вещь.

– Каталина со всем согласна. Она знает свое место.

– Если я на это соглашусь, то хочу получить полные права на ребенка, – протянул Натаниэль сквозь сжатые зубы.

– Ты опять забываешь, кому здесь принадлежит власть.

Подавшись вперед, Натаниэль пристально посмотрел на принца:

– Я могу прямо сейчас сесть в самолет, и больше вы меня никогда не увидите. И остановить вы меня не сумеете.

Доминик сглотнул.

Натаниэль мысленно улыбнулся. Что ж, несмотря на всю чванливую бравладу, принц до сих пор был не тверже опрокинутого бланманже. Доминик всегда был ниже его почти на десяток сантиметров, да с годами еще размяк и к сорока наверняка уже будет весить больше ста двадцати килограммов. Да и его мускулистый телохранитель явно не привык драться...

– Если Каталина подтвердит твои слова, я на ней женюсь, но лишь при условии, что мне гарантируют отцовские права и я ни одной ночи не проведу под вашей крышей.

– Уж в этом можешь не сомневаться. Неужели ты всерьез думал, что мы пустим такое ничтожество в королевский дворец Монте-Клера? Пока продлится ваш брак, Каталина будет жить с тобой. Можете считать это дополнительным наказанием.

Отлично понимая, что еще минута в обществе принца, и он не сумеет с собой совладать и все-таки ему врежет, Натаниэль поднялся на ноги.

– Передай отцу, что сегодня вечером я приду во дворец все обсудить... Хотя если подумать... – Он вытащил из кармана мобильник. – Лучше я сам с ним поговорю. А теперь, если вы меня извините, меня ждет кровать. Думаю, дверь вы и сами найдете.

С этими словами направившись к себе в спальню, Натаниэль улыбнулся, услышав, как захлопнулась входная дверь.

Но спустя секунду его улыбка увяла.

А ритмичная боль в голове долбила похлеще любой пневматической дрели.

Сидя в частной семейной гостиной дворца и бездумно глядя в стену, Каталина барабанила пальцами по подлокотнику кресла.

Сидела она тут по приказу отца уже более двух часов.

Гнев отца не выливался в насилие, как у брата, но был не менее страшен. После двадцати пяти лет безупречного поведения его идеальная умница-дочь сорвала десятилетиями готовившуюся свадьбу, а потом, когда ей подыскали другую партию, унизила семью еще больше, забеременев от прославившегося своими похождениями простолоудина. Все ее извинения и объяснения отец пропустил мимо ушей, и что-то ей подсказывало, что он вообще никогда ее не простит.

– Ты должна за него выйти, – сухо объявил отец. – Это единственный способ смягчить известия о том, что ты забеременела, как обычная шлюха. И не смей отказываться. Ты выйдешь за это ничтожество и узаконишь зреющего в тебе ублюдка.

Ее ребенок не ублюдок. Малыш ни в чем не виноват.

Стоя перед отцом, она упрямо отказывалась выказывать какие-либо чувства, но внутри так и заходила криком. Может, Натаниэль и прославился своими похождениями, но он не ничтожество. И сам заработал свое состояние, а не получил его по воле случая в наследство.

Рождественские торжества шли полным ходом, но в воздухе так и витал яд, и Каталина не сомневалась, что весь дворец знает о ее положении благодаря Марион, что весь праздничный ужин бросала на нее полные притворного сочувствия взгляды, словно сама и не была повинна в том, что секрет стал всеобщим достоянием.

Сперва Каталина надеялась, что, выпавшись, отец хоть немного смягчится, но стоило его личной помощнице, Лорен, сообщить, что принцесса будет ужинать в обществе одной лишь Марион, как ее надежды мгновенно развеялись. А теперь она уже больше двух часов дожидалась дальнейших распоряжений отца.

А Доминик неплохо потрудился, все эти двадцать пять лет настраивая отца против нее...

Обожавшая вынюхивать чужие тайны и шпионить, Марион вышла на двадцать минут, а вернувшись, сообщила, что во дворец пришел Натаниэль и сейчас разговаривает с ее отцом.

Но с тех пор прошел уже целый час.

Первоначальная радость давно прошла, и сейчас ее нервы были до того напряжены, что она обрадовалась даже приходу Доминика.

– Марион, оставь нас, – велел он, закрывая за собой дверь, но Каталина даже не сомневалась, что компаньонка прижметя ухом к этой самой двери в надежде уловить какие-нибудь смачные скандальные подробности.

– Он согласился взять тебя в жены, – объявил Доминик, застыв перед ней со сложенными на груди руками и не в силах скрыть горевшего в глазах бешенства. Потому что, как Каталина прекрасно понимала, если бы ее судьба оказалась в его руках, он, ни секунды не колеблясь, вышвырнул бы ее вон. Забеременей она от любого другого мужчины, все было бы совершенно иначе, потому что ее он просто ненавидел, но его истинным заклятым врагом был лишь Натаниэль.

– Ваша свадьба состоится через две недели. Прямо сейчас они обсуждают последние детали.

Каталина ничего не ответила, отлично понимая, что ее мнение и согласие, как всегда, ничего не значат.

Но все равно...

Впервые за два дня она наконец-то сумела вдохнуть полной грудью. Потому что согласие Натаниэля было для нее совсем не очевидно. Слишком хорошо она для этого знала, что такие волки-одиночки питают отвращение к любым отношениям и ничего и никого не боятся. Даже короля. Но он все равно принял на себя ответственность и согласился на ней жениться...

У нее по коже побежали мурашки.

Она выйдет замуж за Натаниэля!

Но она даже в самых диких фантазиях не осмеливалась мечтать ни о чем подобном! Все эти годы он был частью ее социального круга, но всегда стоял особняком. Его полагалось радушно приветствовать, но держать на расстоянии. И он и близко не дотягивал до того уровня, что ждала семья от ее жениха.

Всю жизнь Каталина знала, что выйдет за кого-то вроде принцев Каллиакисов, равных ей по статусу, и даже самой себе не осмеливалась признаться, что единственный мужчина, что когда-либо физически ее привлекал, – это Натаниэль.

А ведь раньше она даже не могла и помыслить, что однажды займется с ним любовью, и стоило ей лишь вспомнить, как он к ней прикасался, как у нее мигом вскипела кровь, так что же будет, когда они вновь окажутся в постели...

– Адвокаты уже в пути, – продолжал Доминик, глядя на часы и явно не подозревая о ее мыслях.

– Зачем?

– Подписать договор.

Ну конечно.

– Как ты его уговорил? – Она постаралась не выказывать надежду, что его вообще уговаривать не пришлось, и он сам настоял, чтобы их брак был настоящим.

В ответ Доминик жестко улыбнулся.

– Я смотрю, малышка Каталина уже напредставляла себе пушистых облаков в розовых блестках. Но, боюсь, мне придется тебя разочаровать. Для Гироуда это всего лишь деловая сделка. Я сказал, что мы вышвырнем его из Монте-Клера и конфискуем собственность, если он не согласится взять тебя в жены.

Каталина мгновенно заледенела.

– Значит, тебе пришлось его шантажировать.

– А ты вообразила, что он мечтал на тебе жениться? – рассмеялся Доминик. – Видела бы ты, как он обрадовался, узнав, что брак должен продлиться лишь год...

Прежде чем он успел еще что-то добавить, на пороге появился секретарь и сообщил, что Натаниэль закончил разговор с королем и направляется к ним.

Доминик снова улыбнулся:

– Он не хочет на тебе жениться, малышка Каталина. И ему плевать, что сразу после развода с ним ты снова выйдешь замуж. Так же как и плевать на твоего ребенка. Его интересует лишь бизнес, так что советую и тебе рассматривать все это лишь как деловую сделку, где твоя единственная цель – спасти честь дома Фернандесов.

Несколько секунд она пристально разглядывала брата и лишь затем кивнула:

– Я запомню.

– Хорошо, можешь начать свое искупление прямо сейчас.

– Неплохой дворец, – объявил Натаниэль, появляясь в дверях и насмешливо оглядывая гостиную.

Не раздирай ее сейчас столько противоречивых чувств, Каталина наверняка нашла бы подобную непочтительность забавной, ведь обычно впервые попавшие сюда чужаки от потрясения едва ли не теряли дар речи.

Затаив дыхание, Каталина разглядывала единственного мужчину, что видел ее наготу, но сам он смотрел не на нее, а на ее брата.

– Можешь нас оставить.

Если бы ее с детства не приучили держать себя в руках, она бы истерически рассмеялась, потому что до этого кроме отца Доминику никто не осмеливался приказывать, но даже он не использовал такой лениво-небрежный тон, который отлично подошел бы, чтобы отдавать распоряжения нерадивому слуге.

Доминик мгновенно побагровел, и Каталина почти ждала, что у него из ушей повалит пар.

– Я желаю поговорить с твоей сестрой наедине, – добавил Натаниэль, когда Доминик не тронулся с места.

– У вас пять минут.

– Десять.

К ее удивлению, Доминик лишь сжал губы и молча вышел.

Судорожно вцепившись в подлокотники кресла, Каталина постаралась придать взгляду привычную отстраненность.

Не сводя с нее глаз, Натаниэль уселся на неудобное кресло напротив нее. Стоило ее брату покинуть комнату, как от его непочтительности не осталось и следа, только выглядел он так, словно страдал от сильнейшего похмелья.

– Значит, это правда. Ты беременна, – произнес он тихо, в точности повторяя слова, сказанные вчера братом.

Но неужели все это действительно было только вчера? Что ж, похоже, эти дни станут самыми длинными в ее жизни, а ведь еще даже не вечер...

– А ты как думаешь?

Натаниэль грустно улыбнулся.

– Ты какая-то не такая. Если бы не знал, что с тобой, решил бы, что ты больна. – Пару раз моргнув, он снова пристально на нее посмотрел: – Ты больна?

– Да нет, просто легкая слабость и тошнота.

– И из-за них ты не пришла на коронацию Гелиоса и Эмми?

– Тогда я думала, что всего лишь заболела.

– Когда должен родиться ребенок?

– Доктор говорит, что в конце августа.

– И ты счастлива выйти за меня?

– Мое счастье несущественно, к тому же это всего на год.

– И ты согласна вновь выйти замуж сразу же после нашего развода?

– Я поступлю так, как будет лучше для моей семьи и дома Фернандесов.

Пристально вглядываясь в Каталину, Натаниэль пытался отыскать хоть одну брешь в элегантных доспехах, но они полностью скрывали ту страстную женщину, что ему однажды довелось держать в своих руках, и ее место вновь заняла бесстрастная принцесса, что он знал годами. Принцесса, выращенная с сознанием своего долга и готовая беспрекословно его исполнять.

И что бы она ни думала о беременности и сложившемся положении в целом, она явно не собиралась делиться с ним своими соображениями.

Да если бы их единственный раз до сих пор не стоял у него перед глазами, он вообще мог бы решить, что перед ним сидит фарфоровая кукла. Но он-то знал, сколько чувств скрывается за беспристрастным фасадом... Он целовал ее в самые укромные места и чувствовал, как она дрожала, впиваясь пальцами ему в волосы...

Качнув головой, Натаниэль отогнал чересчур яркие воспоминания.

Раз она хочет, чтобы все было именно так, что ж, тем лучше для него. Никто из них не в силах управлять сложившимся положением, и им обоим будет проще, если они поведут себя как настоящие профессионалы.

Скрестив руки на груди, Натаниэль подался вперед, сама же Каталина в узких белых брюках и розовой блузке сидела необычайно прямо, изящно скрестив ноги, а ее черные как смоль волосы были скручены тугим узлом на затылке, а ведь когда он в последний раз их видел, они падали ей на плечи, закрывая всю спину... Он наслаждался их мягкостью и зарывался в них лицом...

Стоило первоначальному шоку пройти, и Натаниэль решил, что, невзирая ни на какие угрозы, он в любом случае должен жениться на Каталине. Так будет правильнее всего хотя бы потому, что это единственный способ получить на ребенка настоящие права. И, встретившись с отцом Каталины, он лишь окончательно в этом убедился.

Короля интересовала лишь репутация дома Фернандесов, и он готов был на все, чтобы максимально исправить нанесенный ей урон. И пусть сам Натаниэль был успешным бизнесменом и денег у него было больше, чем он при всем желании сумел бы потратить, король правил целой страной. Так что сколько бы денег у него ни было, не женившись на Каталине, он вряд ли мог рассчитывать на какие-либо права на ребенка. А законный брак столь же верно узаконит и его отцовство.

– Когда мы разойдемся, я ясно обозначу, что ты ни в чем не виновата и постараюсь сделать так, чтобы твоя репутация вообще не пострадала.

– Очень любезно с твоей стороны. А как насчет твоей собственной репутации?

Натаниэль небрежно пожал плечами.

– Она и так давно испорчена, к тому же я не принцесса. Давай просто постараемся, чтобы наш брак закончился как можно быстрее и безболезненнее. – Хотя для него и год был чрезмерно длинным сроком.

С семи лет он привык всегда и во всем полагаться лишь на себя самого, а когда десять лет спустя ему указал на дверь единственный оставшийся родственник, он и вовсе перестал на кого-то рассчитывать. И ему это нравилось. Потому что так не нужно было беспокоиться, что он причинит кому-то боль, и задумываться о том, как и на ком скажутся его действия.

Он наслаждался одиночеством и всегда уходил раньше, чем успевали возникнуть эмоциональные связи.

И их брак будет всего лишь деловой сделкой.

Каталина напряженно кивнула.

– Мне жаль, что тебя во все это втянули.

Он снова пожал плечами.

– Не меня одного.

– Я всего лишь исполняю свой долг, но я знаю, что Доминик угрожал выставить тебя из страны и отобрать собственность.

– Твой брат ясно обозначил свою позицию. Так же как и я свою. – Натаниэль пристально разглядывал принцессу, и, судя по всему, она даже не подозревала, что в случае его отказа ее отец и брат собирались вышвырнуть ее вместе с ребенком на улицу. Что ж, тем лучше. Слишком уж жестокая расправа ждала ее от самых близких людей, пойдя они против их воли...

– Брат весьма серьезно относится к своей роли наследника и защитника дома Фернандесов.

Ну конечно. Но как бы сам он ни относился к Доминику, принцесса всегда будет верна брату.

– Давай вернемся к делу. Я хотел убедиться, что ты согласна со всеми решениями отца.

– Да, я согласна.

– Понятно. Тогда мне нужно идти. – Натаниэль поднялся на ноги.

– Прямо сейчас?

Ему совершенно не понравился легкий налет разочарования в ее голосе.

– У меня дела.

Именно в эту секунду в гостиную вернулся Доминик:

– Твои десять минут истекли.

Я и так уже ухожу.

– В субботу отец устраивает в честь вашей помолвки небольшой прием. Мои люди уже связались с журналом La Belle, и...

– Передай отцу, – оборвал Натаниэль, – что он может устраивать любые приемы, но меня там не будет. И с журналистами я общаться не собираюсь.

– Но он уже...

– Позволь выразиться еще яснее. Я не собираюсь становиться частью цирка дома Фернандесов. Я женюсь на твоей сестре, чтобы узаконить нашего ребенка и мои на него права, но большего не ждите. Мне не нужны ваши титулы и подачки. –

Он кивнул заледеневшей Каталине: – Увидимся на свадьбе.

Глава 3

– Попробуй еще раз. – Каталина впилась ногтями в ладони, но больше ничем не выдала своего беспокойства. – Спроси, свободен ли он в четверг.

До этого она просила Алиану позвонить Натаниэлю и пригласить его на ужин в среду, но он вежливо отказался, сославшись на важную встречу.

Алиана послушно скрылась в маленьком кабинете, и Каталина повернулась к Марион.

– Возьми, пожалуйста, одну из дворцовых машин и привези мне образцы кружева из магазина мадам Марчелли. – Что угодно, лишь бы хоть на время избавиться от ненавистной компаньонки.

– Давай просто позвоню и скажу, чтобы их доставили во дворец.

– Нет, я хочу, чтобы ты лично за всем проследила. Ты знаешь, что мне нравится, и будешь выбирать со знанием дела.

Не устояв перед лестью, Марион немного потянула время, якобы отыскивая сумочку, что лежала у ее стула, а потом наконец-то ушла.

Выдохнув, Каталина закрыла глаза. Как же она устала от всех этих бесконечных улыбочек и неприкрытого шпионажа... Интересно, это Марион перегибает палку или просто ее терпению пришел конец? Скорее второе... Стоило забеременеть, и в ней сразу разбушевались гормоны, и держать марку стало гораздо сложнее.

Вернувшись, Алиана покачала головой:

– В четверг у него тоже важная встреча.

– Как и в пятницу, и в субботу, – едва слышно выдохнула Каталина. Ей потребовалась вся смелость, чтобы попросить у отца личный номер Натаниэля, и, к ее огромному удивлению, король с легкостью его дал, но так и не посмотрел ей в глаза, как отказывался смотреть с той секунды, как назвал растущую внутри ее жизнь ублюдком.

С того дня, как мир полностью перевернулся, прошло уже целых пять дней, но после единственного визита Натаниэля и его согласия взять ее в жены она больше ни слова не услышала от отца своего будущего ребенка.

Каталина быстро оправилась от потрясения и выкинула из головы пустые романтические мечты, что расцвели пышным цветом за те несколько секунд, когда она искренне надеялась, что и ее может ждать счастье.

А ведь она даже толком не знала, откуда вообще взялись эти мечты. Она не ждала и не хотела любви. Любовь – это колдовство, способное полностью разрушить несчастного, что имел неосторожность ему поддаться. Больше, о чем она мечтала, – это брак, построенный на взаимном уважении, да и вообще не так уж и часто она предавалась мечтам...

Натаниэль же давно прославился своими похождениями и стойким отвращением к любым отношениям. Их брак закончится, не успев еще толком начаться, а потом она выйдет за другого. Но все это не важно. Важна лишь растущая внутри ее жизнь, и она должна ее защитить.

Глубоко вдохнув, Каталина расправила плечи. Она сама ему позвонит.

Но не успела она дойти до кабинета, как бросилась в ванную, чтобы расстаться с завтраком.

Чувствуя, как вибрирует лежавший на столе мобильник, Натаниэль тихо выругался. И почему он вместе со звуком не отключил и виброрежим?

На экране светился тот же номер, что и десять минут назад.

– Передай принцессе, что до свадьбы я занят, и, если ее что-то не устраивает, она может...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mishel-smart/nauchit-taynam-lyubvi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)